

представление о государстве как о растущей личности. Персонификация государства была продолжена в 1928 г. и нашла свое отражение в самом многотиражном издании (180 тыс. экземпляров) *Latvijas brīvības cīņas un sasniegumi/Борьба Латвии за свободу и ее достижения* [6]. Надо сказать, что оборотной стороной персонификации государства является игнорирование значимости индивидуального я и соответственно деперсонализация истории как пространства взаимодействия людей. Это подтверждается, в частности, редкостью упоминания личных имен в указанных изданиях.

Представление о человеке и его соотношении с людской общностью вычитывается, например, из грамматических форм слов. Так, ведущей политической партией в Латвии в 1920–1934 гг. был *Латышский крестьянский союз/Latviešu Zemnieku savienība*. Если сохранять свойственное ментальности латышей выраженной и формируемой языком, то следовало бы это название политической организации переводить как *союз латышей крестьян*, однако такая вербальная конструкция не отвечает нормам русского языка, равно как и ментальности русских. Латышское название, в котором употреблены существительные, указывает на общность, состоящую из индивидов, кои не исчезают в ней, подобно множеству спичек в коробке. Русское же название, составными частями которого являются прилагательные, также указуя на общность, акцентируют ее качественную определенность, дарованную растворившимися в ней индивидами.

И, наконец, самый глубокий уровень структуры вербального текста – внутренняя форма слова, значение которой рассмотрим на примере слова *zemnieks/крестьянин*, предложенного вышеупомянутой политической партией в качестве модели самоидентификации для ее потенциальной аудитории. Внутренняя форма этого слова подчеркивает принадлежность индивида земле, так как данная грамматическая форма с суффиксом – *nieks* выражает не столько действия субъекта, как в слове *zemkopis/земледелец*, сколько взаимное расположение на одной плоскости земли и человека. Кроме того, *коннотации* привносит указанный суффикс, ассоциативно связанный с существительным, обозначающим *пустяк, безделица*, а также корень *zet* от *zeme/земля*, коррелирующий с предлогом *zet*, т.е. *под*. В результате насаждаемое официально-установочными словами *zemnieks/крестьянин* в известной степени умаляло значение человека как субъекта, проявляющего себя в самостоятельном смысло-и-целеполагании и инициативе. Следует отметить, что, судя по беседам со студентами и преподавателями ДУ, сниженное значение слова крестьянин ощущается и современными латышами.

Подобное чтение, в данном случае вербальных исторических источников (однако это справедливо по отношению к любому характеру текстов), открывает возможность неоднородного, углубленного понимания исторического процесса как сложной системы человеческого взаимодействия во всех сферах жизнедеятельности людей.

1. Блок, М. Апология истории / М. Блок. – М.: Наука, 1986. – 254 с.
2. Гумилев, Н. Собр. соч. в 4-х тт. Т.1 / Н. Гумилев. – М.: Терра-Терра, 1991. – 416 с.
3. Ле Гофф, Ж. Средневековый мир воображаемого / Ж. Ле Гофф. – М.: Прогресс, 2001. – 439 с.
4. Манделштам, О. Камень / О. Манделштам. – Л.: Наука, 1990. – 398 с.
5. Пастуро, М. Символическая история европейского средневековья / М. Пастуро. – СПб.: Alexandria, 2013. – 448 с.
6. *Latvijas brīvības cīņas un sasniegumi*. – Rīga: Brīvā Zeme, 1928. – 32.lpp.
7. Ulmanis, K. *Sabiedriskie raksti un runas II sēj., II sēj.* / K.Ulmanis. – Rīga: Zemnieka Domas, 1935. – 535.lpp.
8. *Valsts pieci gadi*. – Rīga: Izglītības ministrijas izd., 1923. – 32.lpp.

Костякова Ю.Б.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ТОТАЛИТАРНОЙ МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ КАК ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Материалы средств массовой информации советского периода являются, на наш взгляд, социокультурным феноменом, возникшим под влиянием не только технического, экономического, но, прежде всего, политического фактора. Своей совокупностью они формировали у аудитории искаженные представления о действительности, то есть своеобразную медиареальность, основу которой составляли политические установки высшего руководства партии и мифологизированные стереотипные представления о действительности.

В отличие от картины и модели мира, под которыми в первом случае подразумевается детализированная система представлений человека о мире, а во втором – своеобразный набор сведений о действительности, медиареальность представляет искусственно конструируемый куль-

турный мир, в создании которого непосредственное участие принимают СМИ. Формируемая ими медиареальность значительно политизирована, а процесс ее конструирования всегда находится под контролем определенных политических сил, степень влияния которых зависит от государственного строя, характера проводимой политики, главенствующей идеологии и т.д. Наиболее наглядно данное утверждение можно проиллюстрировать на примере СССР периода с конца 1920-х гг. и до середины 1950-х гг.

Создание медиареальности в условиях «культы личности» И.В. Сталина имело особое значение, поскольку позволяло легитимизировать власть и любые проводимые ею мероприятия, контролировать настроения и поведение граждан, эффективно и в короткие сроки проводить массовые кампании, решать и другие партийно-государственные задачи. Такая реальность, создававшаяся в интересах власти системно и целенаправленно, с использованием различных, не только медийных средств воздействия на граждан, на базе главенствующей во всех сферах моноидеологии, может, на наш взгляд, называться тоталитарной медиареальностью, поскольку, в отсутствие альтернативных (неподконтрольных партии) СМИ она являлась единственной и насильственным образом внедрялась в сознание людей.

Технология формирования медиареальности, на наш взгляд, разрабатывалась в 1920-е гг., а к началу 1930-х гг. были в целом созданы и основы реализации такой технологии. Политическая основа заключалась в монополизации партией каналов распространения массовой информации и создании разветвленного цензурного аппарата. Суть экономической основы составляла финансовая зависимость СМИ. Практически все периодические издания, особенно местные, являлись убыточными, поэтому распределение дотаций и определение их размера позволяло контролировать все аспекты существования и деятельности прессы. Государственное финансирование и использование мощного административного ресурса обеспечивало техническую основу реализации технологии, то есть создание и модернизацию типографий, формирование системы массового радиовещания, что позволило прессе и радио охватить своим влиянием практически всех граждан страны.

Культурной основой для формирования медиареальности стала ликвидация массовой неграмотности населения страны, развитие системы образования, сети учреждений культпросвета и политпросвета. В процессе обучения и просвещения активно использовались пресса и радио, что способствовало выработке у людей привычки к чтению газет и радиослушанию, то есть к получению сведений из СМИ. В этих условиях удавалось достичь значительного эффекта в реализации технологии конструирования тоталитарной медиареальности. Под технологией мы в данном случае понимаем совокупность методов, приемов и операций, использование которых позволяет добиваться поставленной цели. Она реализовывалась поэтапно: установка – реализация – подтверждение – поддержка – закрепление – контроль.

В создании тоталитарной медиареальности главным являлась идеологическая основа ее поддержания. Поэтому в качестве установки использовались основные идеи, содержащиеся в трудах классиков марксизма-ленинизма, в программных документах ВКП(б)-КПСС, резолюциях партийных съездов и конференций, выступлениях И.В. Сталина.

На следующем этапе этим установкам (идеям) придавалась форма медиаматериалов (передовые статьи, тексты выступлений высших руководителей страны), в которых многократно повторялась идея, например, в виде прямых цитат или устойчивых словосочетаний («враги народа», «оплот мира» и т. д.). Эти материалы публиковались в центральных газетах и перепечатывались в местной прессе, зачитывались по радио, что позволяло донести основную идею практически до каждого жителя страны. Далее в региональных СМИ истинность установки (идеи) подтверждалась местными примерами или авторитетом выступавших в ее поддержку партийных работников, передовиков производства, депутатов, деятелей культуры.

На следующем этапе организовывалась массовая поддержка идеи за счет публикации писем, резолюций митингов и собраний, подписанных сотнями участников, что должно было свидетельствовать о единодушной и повсеместной поддержке идеи. Полученная из СМИ информация закреплялась на политзанятиях в школах, вузах, трудовых коллективах. На этом этапе установка (идея) также получала свое художественное воплощение в песнях, фильмах, плакатах, то есть приобретала образность, становилась частью культуры.

Последним в формировании медиареальности был этап контроля. Каждый человек на различных этапах учебы, общественной и трудовой деятельности подвергался проверкам на поли-

тическую зрелость. Такой контроль позволял определить не только степень усвоения идеи, но и то, насколько искренне человек верил в реальность виртуальной действительности. Людей, обладавших критическим восприятием получаемой информации, физически устраняли из активной общественной жизни, что позволяло поддерживать атмосферу страха, находясь в которой граждане охотнее верили в предлагаемые властью идеалы и перспективы светлого будущего.

Медиареальность, в том числе, и тоталитарную, можно рассматривать как часть социальной реальности. Следовательно, реконструкция процесса ее формирования, содержания, особенностей воздействия на сознание граждан в исторической перспективе есть процесс комплексного исследования деятельности людей и результатов этой деятельности, нашедших воплощение в источниках различных типов и видов. Критический отбор и научное осмысление исторических источников позволяет создать модель тоталитарной медиареальности, как фрагмента прошлого.

Основную часть источниковой базы такого исследования составляют письменные источники, среди которых публикации СМИ играют важную роль, поскольку в них содержатся не только сами идеологические установки, облеченные в форму различных публикаций, но и косвенное описание всех этапов формирования тоталитарной медиареальности. Но, поскольку основу содержания тоталитарной медиареальности составляли политические установки высшего руководства партии, то в качестве главных исторических источников мы предлагаем рассматривать документы ВКП(б)-КПСС: материалы высших органов партийной власти (решения съездов, конференций, пленумов), определявшие генеральную линию партийно-государственной политики. Большими информационными возможностями обладают и тексты публичных выступлений лидеров партии, в которых можно обнаружить идеологические установки, облеченные в форму отдельных лексем, словосочетаний, синтаксических конструкций («война малой кровью», «политические слепцы», «беспечность – идиотская болезнь» и проч.), а также примеры, позволявшие правильно трактовать данные установки. Сопоставительный анализ текстов таких выступлений и других газетных публикаций дает возможность судить о том, как быстро подобные установки входили в лексикон и как долго сохранялись, на протяжении какого времени и насколько сильное влияние они оказывали на формирование представлений людей об окружающем мире.

Научной значимостью при реконструкции тоталитарной медиареальности обладают речи и доклады региональных партийных руководителей, опубликованные в прессе и в виде брошюр, сохранившиеся в стенографических отчетах. В этих документах находило отражение то, как общие идеологические установки адаптировались к региональным, в том числе, национальным условиям, на каких местных примерах докладчики проводили разъяснение этих установок и доказывали их истинность.

Среди делопроизводственных материалов ВКП(б)-КПСС интерес представляет распорядительная документация (решения, резолюции, приказы, распоряжения партийных органов), в которой можно обнаружить сведения о реализации в стране и на местах различных постановлений партии. Ценным дополнением к данным документам служат протоколы бюро региональных комитетов партии. Они являются своеобразным источниковым комплексом, поскольку содержат тексты решений и постановлений, обзоры содержания и анализ агитационно-пропагандистской деятельности СМИ, разнообразную дополнительную информацию (планы, отчеты, справки), включенные в приложения. Анализ таких комплексов документов позволяет реконструировать технологию внедрения политических установок в сознание граждан с использованием методов медийного (через СМИ) и немедийного воздействия на людей, определить особенности использования в этом процессе как коммуникационного потенциала СМИ, так и административного ресурса, влияние человеческого фактора на темпы, сроки и масштабы такой деятельности.

В привлекаемый круг источников необходимо включать стенограммы партийных мероприятий (конференций, собраний партийного актива, совещаний, встреч с интеллигенцией и проч.), региональных и зональных совещаний редакторов периодических изданий и телерадиокомитетов, слетов и съездов рабочих и сельских корреспондентов. Изучение таких документов дает представление о том, как и какое оказывалось воздействие на лидеров общественного мнения с целью их вовлечения в процесс распространения идеологических установок, в том числе, и с помощью СМИ.

Одним из аспектов реализации контроля ВКП(б)-КПСС за деятельностью СМИ являлось составление и представление редакциями в партийные органы справок, докладных записок, объясни-

тельных и прочей контрольной делопроизводственной документации. Такие источники обладают высокой информативной ценностью, поскольку дают достаточно полное представление о различных сторонах функционирования средств массовой информации, их взаимодействия с аудиторией и внештатными авторами, например, при организации «откликов» читателей и радиослушателей в связи с принятием важного партийного документа, выступлением лидера страны, политически-важным событием или проведением очередной идеологической кампании.

Представляют научный интерес и такие источники, как письма в редакции СМИ, которые служили не только источником сведений о достижениях и недостатках, но и должны были свидетельствовать о народном характере советских средств массовой информации, выступавших от имени и в интересах народа, выражавших его мысли, надежды и чаяния. Таким образом повышался авторитет самих СМИ и воздействие на сознание граждан создаваемой ими тоталитарной медиареальности.

Сложным является вопрос о формировании источниковой базы, которая позволила бы получить представление о реальных чувствах, мыслях и чаяниях советских граждан, их понимании действительности, восприятию (неприятию) транслируемых идеологических установок. Отчасти такую информацию можно получить в результате анализа документов, отложившихся в личных архивах, воспоминаний журналистов и других очевидцев изучаемой эпохи. Эти источники помогают оценить прошлое через восприятие его современников, восстановить ход событий, объяснить мотивацию поступков действующих лиц, выявить важные детали деятельности средств массовой информации в формировании тоталитарной медиареальности, особенности организации массово-коммуникационного обмена в различные периоды времени. Однако главный недостаток мемуаров как источника, а именно субъективизм авторов в изложении и оценках различных событий, заставляет в большей степени учитывать не фактологическую составляющую этих источников, а эмоции респондентов, их ощущения по поводу тех или иных событий, явлений действительности, личные реакции на деятельность СМИ и их роль в обществе.

Ценными в этом плане могут быть коллективные и индивидуальные письма граждан в комитеты партии, содержащие их реакции на сообщения СМИ, мнения, отклики на события в стране и регионе, деятельность организаций и отдельных представителей власти. Но такие источники являются косвенным свидетельством отношения граждан к транслируемому в медиареальности идеологическим установкам.

Отметим, что созданная СМИ тоталитарная медиареальность не отражала реалий жизни страны и мира, не удовлетворяла насущные информационные потребности и запросы людей. Ее формированию способствовали односторонность информирования аудитории, тщательный редакционный отбор писем читателей и цензурный контроль всего медиасодержания. Главной задачей такой реальности было укрепление у жителей страны Советов уверенности в политической и экономической стабильности, незыблемости устоев государства и всенародной поддержке всех решений и мероприятий власти. Но итогом этого воздействия было то, что граждане СССР существовали в атмосфере постоянных противоречий между официальными «образами» действительности, изображаемыми СМИ, сведениями о мире, получаемыми из неофициальных источников, и реальностью, воспринимаемой лично. Поэтому, как мы считаем, в представлениях советских граждан тесно переплетались стереотипы и мифы, создававшиеся официальной пропагандой, и результаты непосредственного или опосредованного восприятия людьми действительности.

Мазур Л.Н.

ОСОБЕННОСТИ ИНФОРМАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ: МЕТОДЫ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ*

В конце XX в. источниковая база исторических исследований существенно расширилась за счет вовлечения в научный оборот новых типов технотронных документов, в первую очередь аудиовизуальных источников (фото-, кино-, видеодокументов). Характеристике их родовых свойств посвящены исследования Е.М. Евграфова, В.М. Магидова и др. [4, 9, 6, 8].

* Тема поддержана грантом РГНФ № 14-01-00352 «Визуальные репрезентации советской деревни в художественном кинематографе 1920–1980-х гг.: источниковедческое исследование».